

UNITED WISDOM

Карта и территория: почему описание мира не равно самому миру

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Карта и территория: почему описание мира не равно самому миру

Эпиграф

> *«Карта — не территория».*

Альфред Коржибский, выбранный отрывок доклада 1931 года, воспроизведённого в «Science and Sanity», пункт C(3). Собственный перевод United Wisdom с английского: «A map is not the territory.»

О чём эта статья

Описание помогает ориентироваться именно потому, что оставляет многое за пределами внимания. На схеме сада можно обозначить дорожки, не рисуя каждый лист; в рассказе о встрече можно передать решение, не воспроизводя каждую реплику. Отбор сам по себе не делает описание ложным. Трудность возникает, когда мы забываем, ради чего оно составлено, и требуем от него ответа на другой вопрос. Схема расположения дорожек превращается в обещание лёгкой прогулки, а краткая запись решения — в полную историю отношений. Эта статья предлагает различать предмет, его описание и вывод, который мы строим по описанию. Формула Коржибского, пещера Платона и первая глава «Дао дэ цзина» дадут разные точки сравнения, сохраняя собственный смысл каждого текста. На одном вымышленном примере мы рассмотрим назначение карты, значимые пропуски, время обновления и возвращение к проверяемым обстоятельствам. Задача — сделать описание полезным и доступным исправлению, сохраняя свободу человека выбирать свой способ понимания.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Два посетителя и одна схема

Представим небольшой сад, который готовится к открытой выставке. Это условная история, а не отчёт о реальном месте. Организатор рисует на листе вход, три дорожки, беседку и площадку с работами участников. Первый посетитель хочет быстро найти выставку. Второй собирается спокойно посмотреть растения и присесть по дороге. Один лист вполне может помочь обоим, но отвечает прежде всего на вопрос о расположении. Длина линии между входом и беседкой сама по себе ещё не сообщает, сколько времени займёт путь, насколько ровно покрытие и есть ли свободное место на скамейке. Эти обстоятельства могут стать важными для определённого человека, хотя составитель схемы не ставил перед собой такой задачи.

Первая ошибка появляется в разговоре ещё до прогулки. Организатор говорит, что на схеме всё рядом. Посетитель понимает это как обещание простого пути. Здесь сталкиваются не обязательно ложь и правда: слово «рядом» может обозначать небольшой участок на листе, знакомую организатору дистанцию или лёгкость перехода. Чтобы разобраться, полезно сформулировать вопрос прямо. Нужно ли узнать, где находится выставка, сколько идти или можно ли пройти выбранным путём в сегодняшних условиях? Уточнение меняет требования к описанию. Оно также даёт человеку возможность сказать, какой информации ему не хватает, не принимая чужую оценку удобства за собственную.

Карта остаётся предметом с определёнными возможностями. В нашей истории она достаточно хороша для поиска беседки и недостаточна для обещания каждой детали прогулки. Отсюда не следует, что автор обязан заранее ответить на все возможные вопросы. Следует более ограниченная ответственность: ясно назвать назначение листа и не выдавать неизвестное за установленное. Посетитель, в свою очередь, может пользоваться схемой, дополнять её вопросом или выбрать другой источник. Такое отношение сохраняет достоинство и автора, и пользователя: неполное описание можно оценить по задаче, вместо того чтобы объявлять его либо окончательной истиной, либо бесполезным обманом.

II. Что сохраняется при уменьшении мира

В выбранном первичном отрывке Коржибского порядок трёх городов на территории сопоставляется с порядком городов на схеме. Переставленный порядок вводит путешественника в заблуждение. Затем автор различает сходную и несходную структуру карты и территории и формулирует их нетождество. Для нашей статьи существенен узкий вопрос: какое отношение должно сохраняться, чтобы описание помогало в конкретном деле? Мы не принимаем из этого отрывка общую теорию нервной системы или обещание психологического оздоровления. Даже сам воспроизведённый текст предваряет изложение оговоркой о кратком наброске без эмпирических данных. Формула интересна как повод проверить устройство описания, а не как замена исследования.

На схеме сада можно сильно сократить изображённые расстояния и всё же сохранить последовательность поворотов. Цвет условной дорожки может не совпадать с цветом покрытия, а беседку можно обозначить кружком. Для поиска места такие различия не обязательно мешают. Но если кружок означает одновременно беседку и выставочную площадку, пользователь может неверно понять, что именно он нашёл. Здесь нужны условные обозначения. Мы различаем художественное сходство и отношение, на которое опирается действие. Красивый рисунок бывает плохо пригоден для поиска; простая схема бывает полезна именно своей ясной избирательностью. Это наш разбор вымышленного случая, а не историческое положение Коржибского обо всех видах карт.

В словесном описании роль условных обозначений выполняют определения и пояснения. Запись «работы у беседки» может означать рядом с ней, внутри или на подходе. Если человек должен принести свою работу к определённому месту, различие становится существенным. Разговор об описании требует не только вопроса о точности каждого слова, но и вопроса о связи слов с ожидаемым действием. Порой достаточно добавить одно уточнение, а не составлять новую карту целиком. Хорошее исправление сохраняет то, что уже работает, и устраняет конкретную неопределённость. Оно не обязано превращать схему в фотографию, а короткий текст — в бесконечный перечень подробностей.

III. Пропуск и ошибка требуют разных ответов

На листе не нарисованы деревья. Это пропуск относительно полного вида сада, однако посетителю, ищущему выставку, отсутствие отдельных деревьев может не мешать. На листе показан вход с восточной стороны, хотя вход находится с западной. Это уже неверное указание. Различие важно: пропуск иногда требует дополнения, ошибка — исправления утверждения. Если мы называем любую избирательность ложью, описание нельзя будет закончить. Если называем любую ошибку допустимым упрощением, исчезает основание требовать точности. Между этими крайностями остаётся конкретный вопрос: что описание обещает сообщить и какие сведения нужны для предложенного способа использования? Ответ зависит от задачи, но не от произвольного желания объявить себя правым.

Допустим, второй посетитель спрашивает, где можно присесть. Теперь скамейки входят в его задачу. Прежний лист не становится лживым задним числом; он остаётся схемой расположения выставки. Организатор может ответить отдельно или составить дополнение. Если же рядом с названием выставки стоит обещание удобной прогулки с местами отдыха, прежняя граница расширяется: отсутствие нужных сведений требует более внимательного объяснения. Мы смотрим не только на изображение, но и на сопровождающее его обещание. Рекламная фраза, подпись и устный комментарий способны незаметно придать карте полномочия, которых у неё прежде не было. Поэтому полезно проверять весь переход от описания к ожиданию.

Такой разбор не требует угадывать намерения организатора. Он мог торопиться, иначе понимать удобство или вообще не заметить расширения своего обещания. Нам достаточно назвать конкретный пробел и его значение. Посетитель вправе отказаться от прогулки без доказательства, что чья-то карта дурна. Организатор вправе признать предел листа без унизительного вывода о собственной несостоятельности. Обсуждение предмета остаётся обсуждением предмета. Чужие скрытые мотивы и общие характеристики личности не нужны, чтобы исправить положение входа, уточнить наличие скамейки или снять слишком широкое обещание. В этом смысле аккуратность описания поддерживает свободу выбора, а не служит средством оценивать человека целиком.

IV. Пещера: представление и положение наблюдателя

В начале VII книги «Государства» Платон предлагает образ людей, которые видят тени, не имея возможности повернуть голову к предметам и источнику света. В последующем разговоре освобождение не даёт мгновенной ясности: непривычное зрение требует времени. Сократ связывает восхождение с областью умопостигаемого и идеей блага. Это философский образ образования и знания, а не описание нашей садовой схемы. Мы можем сопоставить ограничение доступного взгляда с ограничением доступного описания. Но сопоставление не позволяет вычеркнуть платоновское различие между видимым и умопостигаемым, оставив лишь современный совет проверять данные. Текст говорит о большем и устроен иначе.

Полезный вопрос для нашего случая звучит скромнее: какое положение позволило составителю увидеть именно это? Организатор прошёл от входа к беседке утром и знает привычный путь. Посетитель располагает листом и собственным вопросом. Их доступ к обстоятельствам различается. Объяснить эту разницу можно без назначения первого просветлённым, а второго пленником. Никто не получает общего превосходства лишь потому, что видел больше деталей одного участка. Даже знакомый с садом человек может не заметить условия, важного для другого. Поэтому ссылка на непосредственный опыт должна сопровождаться указанием, что именно было увидено, когда и для какого вывода это имеет значение.

Образ пещеры также легко превратить в оружие: несогласный якобы остаётся среди теней, а согласный уже видит истину. Так мы используем литературное сравнение для распределения власти. В нашей статье такого права не возникает. Можно спросить о доступных наблюдениях, объяснить пределы листа и предложить проверку; нельзя из этого вывести обязанность другого принять нашу картину мира. Само переживание ясности не заменяет основания конкретного утверждения. Посетителю не нужно вступать в соревнование просветления. Он может задать простой вопрос о входе или скамейке, получить ответ и решить, подходит ли ему прогулка. Масштаб обсуждения остаётся соразмерным его потребности.

V. Когда карта успевает устареть

В нашей истории между утренней подготовкой и открытием выставки меняется расположение работ: часть переносится из беседки на площадку. Схема могла быть верной во время составления и перестать соответствовать сегодняшнему размещению. Это иной случай, чем ошибка в первоначальном наблюдении. Для понимания нужно знать время, к которому относится описание. Слово «актуально» без даты или обстоятельства проверки не раскрывает этого само по себе. Достаточное уточнение здесь простое: схема показывает утреннее размещение, а выставка после переноса находится в другом месте. Мы не обязаны восстанавливать всю историю сада, чтобы назвать именно ту перемену, которая влияет на поиск.

Описания событий и отношений тоже имеют время. Фраза «мы договорились собраться у беседки» может точно передавать вчерашнюю договорённость, однако не отвечать на вопрос о сегодняшнем решении. Новое сообщение не делает старую запись фальшивой, но меняет её пригодность для действия сейчас. Полезно сохранить старую запись как историю и явно обозначить новую. Тогда человек видит, что изменилось, и не должен выбирать между обвинением прежнего автора во лжи и отрицанием нынешних обстоятельств. Смена версии становится понятной частью работы с описанием. Ответственность состоит в ясном переходе, а не в требовании никогда не менять сказанное.

Есть и предел самого обновления. Организатор проверил размещение работ, но не проверил каждую скамейку. Новая дата на схеме не распространяет его знание на все детали сада. Мы можем честно подтвердить одно и оставить другое открытым. Это защищает от знакомого скачка: раз документ свежий, значит, всё связанное с ним уже известно. Вопрос «что именно проверено?» полезнее общего впечатления новизны. Для пользователя карта может остаться достаточно хорошей при частичной проверке; решение зависит от того, какие обстоятельства для него существенны. Дата помогает оценивать сведения, но сама не является свидетельством их полноты или безошибочности.

VI. Имя помогает обращаться, но не исчерпывает

Первая глава «Дао дэ цзина» в переводе Джеймса Легга различает произносимое имя и непреходящее имя, Дао, которому можно следовать, и непреходящее Дао. Дальше выбранная глава связывает безымянное и именуемое с началом и матерью вещей, а также с тайной и проявлениями. Её нельзя свести к инструкции по составлению схем. Сопоставление касается лишь предела именования: возможность дать название не равна возможности вместить названное в это слово. Религиозно-философская речь о Дао сохраняет собственный масштаб. Наш современный вопрос о саде не объясняет её целиком и не доказывает общего учения Платона, Коржибского и даосского текста.

В условной истории слово «сад» помогает договориться о месте. Оно не сообщает автоматически, что найдёт каждый посетитель: выставку, тень деревьев, тишину или многолюдное открытие. Название «открытая выставка» также не определяет все правила участия. Если человеку важно представить свою работу, следует спросить о возможности участия, а не выводить её из привлекательного имени события. Название становится началом разговора. Мы можем сохранить его удобство и одновременно отказаться от слишком широких следствий. Такое отношение к слову не обязывает подозревать любое обозначение; оно позволяет уточнять именно то, от чего зависит конкретное ожидание или выбор.

Особенно внимательно стоит обращаться с именами людей и групп. Слово «организатор» на нашей схеме обозначает роль в подготовке события, но не полное знание о человеке и не власть над личными решениями посетителя. Даже доброжелательное название способно скрыть дополнительные ожидания: участник якобы обязан остаться до конца, помочь во всём или согласиться с оценкой выставки. Эти обязательства требуют отдельного разговора. Из имени они не возникают. Здесь наш этический вывод остаётся авторским: мы предпочитаем делать условия явными и оставлять человеку возможность согласиться, отказаться или уточнить. Древний текст не используется для объявления современных обязанностей от его имени.

VII. Описание превращается в вывод

Рассмотрим три фразы. «На схеме отмечена дорожка к беседке» сообщает о листе. «В саду есть дорожка к беседке» сообщает о месте. «Сегодня я смогу удобно пройти к выставке» уже соединяет сведения о месте с сегодняшними условиями и собственными возможностями. Переходы могут быть разумными, но не становятся одинаковыми утверждениями. Чтобы оценить третий вывод, приходится узнать больше, чем видно на листе. Чёткое различение полезно именно там, где описание вызывает сильное ощущение понятности: знакомый знак дорожки подталкивает достроить целую прогулку. Мы можем заметить этот шаг, не объявляя его психологическим законом для всех людей.

Дальше появляется рекомендация: организатор предлагает посетителю выбрать этот путь. Рекомендация требует основания, связанного с задачей посетителя. Знание, что дорожка ведёт к беседке, может быть достаточным для указания направления и недостаточным для обещания подходящих условий. Организатор может дать более узкий ответ, назвать неопределённость или предложить уточнение. Посетитель может изменить цель и попросить другой вариант. Мы отделяем сообщение, предположение и предложение действия, чтобы каждому было легче понимать свою часть разговора. Такое различение не запрещает практических советов, а помогает видеть, какое знание действительно стоит за каждым из них.

Иногда карту защищают ссылкой на её правильность, хотя спор касается дополнительного вывода. Схема может точно указывать место и всё же не подтверждать оценку удобства. Исправлять её расположение тогда не нужно; нужно снять или проверить следствие. В других случаях спор о следствии обнаруживает реальную ошибку исходного листа. Не существует одного ответа на все несоответствия. Можно разложить цепочку и спросить, на каком переходе возникло сомнение. Это позволяет обсуждать содержание без требования перечеркнуть весь документ. Если ошибка узкая, исправление может быть узким; если назначение изменилось, потребуется новое описание или явное дополнение.

VIII. Несколько карт не отменяют общего места

Один посетитель рисует расположение выставки, другой — последовательность интересующих его растений. Их листы различаются, но из этого не следует существование двух разных садов. Разные вопросы допускают разные отборы. Можно уважать оба назначения и всё же проверить, с какой стороны находится вход. Если два листа по-разному отвечают на один вопрос об одном времени, различие уже требует разбирательства. Фраза «у каждого своя карта» не решает его автоматически. Она иногда объясняет источник расхождения, однако не превращает несовместимые указания в одинаково верные. Общий предмет делает проверку возможной, хотя полного описания предмета никто не предъявляет.

Совместная работа начинается с сопоставимых вопросов. Важно выяснить, описываем ли мы одно место, одно время и одно отношение. Карта выставки и перечень любимых растений могут не спорить между собой вообще. Напротив, два указания сегодняшнего входа способны столкнуться прямо. Тогда нужен доступ к обстоятельству: проверенное сообщение, наблюдение или исправленная схема. Мы не обещаем, что непосредственная проверка всегда проста и доступна; в условной истории она возможна, в иных случаях остаётся ограниченной. При недоступности можно честно сохранить неопределённость. Она не обязывает ни выбрать понравившееся утверждение, ни объявить предмет непознаваемым в принципе.

Различие оценок тоже заслуживает отдельного места. Одному посетителю сад кажется спокойным, другому — слишком оживлённым. Их впечатления могут относиться к разному времени, участку или собственному ожиданию. Не каждую такую разницу нужно разрешать голосованием о правильной карте. Можно признать оба опыта, уточнить обстоятельства и обсуждать выбор каждого. Но личная оценка не переписывает расположение входа. Мы сохраняем различие между переживанием, описанием доступного факта и общим утверждением о месте. Благодаря этому уважение к чужому опыту сочетается с вопросами о точности, а проверка точности не требует обесценивать всё, что человек почувствовал.

IX. Возвращение к обстоятельствам

Допустим, посетитель дошёл до беседки и не нашёл выставку. Это наблюдение ещё не говорит, почему работы отсутствуют: они могли быть перенесены, закрыты на время или находиться рядом, вне его взгляда. Но оно уже даёт конкретное основание пересмотреть ожидание. Следующий вопрос касается размещения сейчас, а не достоинства карты вообще. Посетитель может обратиться к организатору, заметить указатель или прекратить поиск. Выбор зависит от его цели и желания продолжать. Мы не предписываем бесконечно проверять каждый шаг; иногда достаточно признать, что имеющегося описания не хватает для нынешнего действия, и остановиться.

Если организатор выяснил, что выставка перенесена, полезно исправить схему и сообщить тем, кто ею пользуется. При этом нужно назвать именно исправление: новое место работ. Обещание, что теперь карта полностью отражает сад, было бы снова слишком широким. Хорошая поправка возвращает связь между знаком и обстоятельством. Она также сохраняет историю, когда история нужна: вчерашняя схема может остаться записью прежнего размещения с ясной датой. Сохранение старого не означает продолжать выдавать его за действующее. Различие этих статусов помогает использовать описание и как инструмент сегодняшнего поиска, и как свидетельство того, что менялось.

Проверка бывает словесной: человек уточняет, что понимал под «рядом», и обнаруживает, что спорили разные ожидания. Бывает предметной: вход действительно находится с другой стороны. Бывает связанной с выбором: схема верна, но предложенный путь человеку не подходит. Эти случаи не нужно сводить к одной процедуре. Общий ход состоит в возвращении от широкого слова к тому обстоятельству, которое важно сейчас. Мы задаём вопрос соразмерно решению, признаём предел ответа и допускаем пересмотр. Это авторское предложение для размышления, а не установленная универсальная технология устранения ошибок, обещающая успех при любых условиях.

X. Пользоваться описанием без поклонения ему

Нам нужна карта, чтобы не держать весь сад в памяти, и речь, чтобы передавать друг другу знания. Условность и избирательность не являются причиной отказаться от них. Достаточно различать назначение, содержание и добавленный вывод. Тогда описание становится рабочим инструментом: мы понимаем, что оно помогает найти, где его нужно дополнить и какое обстоятельство может потребовать исправления. Такая ясность не делает человека обладателем окончательного взгляда. Она позволяет пользоваться частичным знанием ответственно и оставлять открытым пространство, которое этим знанием не охвачено. Доверие здесь совместимо с вниманием к ограничениям и с правом изменить решение.

Три рассмотренных текста поддерживают разные вопросы. Коржибский в выбранном отрывке обращает внимание на структуру представления и нетождество слова и вещи. Платоновская пещера помещает ограниченный взгляд в философию образования и блага. Первая глава «Дао дэ цзина» говорит о пределе выражения и именования в собственном понимании Дао. Мы не складываем их в доказательство единой современной методики. Сопоставление даёт повод спросить о наших описаниях; ответ на конкретный вопрос сада приходится искать в конкретных обстоятельствах. Исторический текст открывает размышление, а не удостоверяет каждую предложенную нами практическую рекомендацию.

В конце условной истории посетитель может сохранить лист, дописать новое место выставки и выбрать подходящую прогулку. Другой человек может предпочесть спросить дорогу и вовсе не пользоваться картой. Оба выбора допускаются. Важнее, чтобы описание не подменяло встречу с предметом и не превращало чужую оценку в обязательное ожидание. Мы способны сказать, что известно, что предполагается и что остаётся за пределом листа. Исправление тогда становится обычной частью пользования знанием. Мир не обязан вместиться в нашу схему, а схема может приносить пользу, оставаясь достаточно ясной, ограниченной и открытой для проверки.

Что это значит на практике

Можно выбрать одно небольшое описание, которое влияет на ваше решение: схему, краткую запись встречи или собственный рассказ о месте. Назовите предмет и вопрос, для которого описание составлено. Затем отделите записанное от вывода, который добавляете сами. Например, наличие дорожки на листе и ожидание удобной прогулки — разные утверждения. Укажите одну подробность, которая для вашего выбора существенна, но в описании отсутствует. Не нужно искать все возможные недостатки: задача — понять ближайший переход от сведений к действию.

Теперь спросите, к какому времени относится описание и что именно было проверено. Если нужна поправка, сформулируйте её конкретно: другое размещение, неясное обозначение или слишком широкое обещание. Когда проверить обстоятельство нельзя, можно оставить вопрос открытым и ограничить решение. Практика не требует делиться личными сведениями, спорить с составителем или обязательно продолжать поиск. Допустим и отказ от упражнения. Возможный результат — более ясное понимание границы выбранного описания; улучшение каждого решения или отношений с другими людьми не гарантируется.

Отдельно запишите, изменился ли ваш вопрос. Возможно, прежде вы искали выставку, а теперь хотите выбрать место для спокойной прогулки. Тогда даже исправленная карта выставки не обязана решить новую задачу. Можно сохранить её для прежнего назначения и подобрать другое описание для нового. Такое изменение не является поражением в проверке: оно показывает, какую именно помощь вы хотите получить от сведений сейчас.

Ключевая цитата

> *«Имя, которое можно назвать, — не непреходящее имя».*

«Дао дэ цзин», глава 1, перевод Джеймса Легга. Собственный перевод United Wisdom с указанного английского перевода. Речь главы о Дао и именовании; она не является готовым правилом современной картографии.

Связи между традициями

Сопоставление	Общий вопрос	Существенное различие
Коржибский и схема сада	Какое отношение сохраняет описание?	Отрывок общей семантики; современный сад вымышленный.
Платон и Коржибский	Чем представление отличается от предмета?	Восхождение к благу и структура языка принадлежат разным учениям.
«Дао дэ цзин» и Коржибский	Исчерпывает ли имя названное?	Дао не сводится к точности карты или определению слова.
Платон и наш разбор	Откуда доступен определённый взгляд?	Современное уточнение наблюдения не заменяет платоновскую философию знания.
Все три текста и практика	Где проходит предел выражения?	Упражнение авторское; общая доказанная техника не установлена.

Первоисточники

1. Альфред Коржибский, выбранный отрывок «Science and Sanity». Английский первичный текст через веб-воспроизведение: вводная оговорка, пример порядка городов и пункты 1–8. Прочитан весь показанный отрывок; комментарии сайта отделены от речи автора. Печатная сверка и чтение всей книги не заявляются. Использованы различение карты и территории и вопрос о сохраняемом отношении; общая теория нервной системы не принимается.

2. Платон, «Государство», VII, начало образа пещеры, перевод Бенджамина Джоуэтта. Прочитано начало VII книги от описания узников до обсуждения поворота способности познания; использованы пещера, постепенность нового взгляда и связь с благом. Это философское сравнение, а не современная теория наблюдения; греческая сверка не проводилась.

3. «Дао дэ цзин», глава 1, перевод Джеймса Легга. Прочитана выбранная глава целиком; цитата приведена по этому английскому тексту. Сравнение сохраняет речь о Дао, именовании, тайне и проявлениях; полный трактат и китайские редакции не сопоставлялись.

Теги

карта и территория, описание, представление, знание, точность, частичное знание, абстракция, структура, отношение, условные обозначения, язык, именование, Коржибский, общая семантика, Платон, пещера, образование, благо, даосизм, Дао дэ цзин, Легг, наблюдение, контекст, время, обновление, неопределённость, вывод, проверка, свобода выбора, границы понимания

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.